

ЭТО было в апреле 1959 года. Алла Константиновна Тарасова взяла телефонную трубку.

— Из газеты? Побеседовать о Станиславском? Надо подумать... А что если я попробую сама написать?.. Знаете что, позвоните мне в субботу.

На звонок в субботу она ответила коротко:

— Приезжайте.

В ее квартире поражаало отсутствие всякой праздности, даже намека на роскошь. Удобно. Уютно. Чуть старомодно...

Протягивая рукопись, сказала:

— Не получилось у меня то, что хотелось...

Редко приходится браться за перо... Да и времени было мало: репетиции, спектакли. Перед глазами Станиславский — как живой. А на бумаге... Может быть, я вам расскажу, а вы запишете?

Рассказала. Записал. Беседа появилась в газете.

А та рукопись хранилась у меня все эти годы. Сейчас, накануне празднования 75-летия МХАТа, самое время опубликовать ее. Думается, Алла Константиновна была слишком строга к себе. В ее торопливых строчках запечатлены черты живого Станиславского.

Б. ЕВСЕЕВ.

МОЙ УЧИТЕЛЬ

Алла
ТАРАСОВА

НА МОЮ долю выпало большое счастье быть ученицей Константина Сергеевича Станиславского и играть с ним на сцене.

Наше второе поколение МХАТа унаследовало все традиции и школу замечательных «стариков»: Качалова, Москвина, Книппер-Чеховой, Леонидова, Лужского и других. Мы работали с большими, талантливейшими режиссерами Станиславским и Немировичем-Данченко.

Хочу поделиться своими воспоминаниями о К. С. Станиславском. Я считаю, что в театральном искусстве Станиславский — одна из величайших фигур. Любовь к искусству, беспрерывные искания, неиссякаемая энергия в работе, требовательность, стремление идти все дальше и дальше — все эти качества он имел сам и прививал нам, своим ученикам.

Помню, как в первый раз мы, совсем юные актеры, встретились с Константином Сергеевичем. Он приехал на репетицию спектакля «Зеленое кольцо» в драматическую школу. После показа нас позвали в зал, мы окружили Станиславского, сели вокруг него и ждали его замечаний. У Константина Сергеевича было очень выразительное лицо, и сразу можно было видеть, когда ему что-либо нравится или он чем-либо недоволен. К нашему счастью, мы на лице его увидели ласковую улыбку. Но похвалил он нас очень скуп.

Станиславский считал, что молодых артистов не надо много хвалить, а то они, как он говорил, зазнаются, а это ведет к остановке роста актера.

Замечания и указания Константина Сергеевича всегда мне напоминали движение кисти великого художника, который, подойдя к картине своего ученика, делает своей гениальной рукой два-три штриха — и картина оживает, предметы делаются осязаемыми, и вы чувствуете живой воздух. Так случилось и с нашим спектаклем «Зеленое кольцо». Замечания Константина Сергеевича были «последними штрихами», и спектакль зазвучал, успех был очень большой...

Меня и всех нас восхищало в Константине Сергееви-

че очень ценное качество для режиссера — беспристрастное отношение к любому актеру. Личные отношения в жизни не влияли на Константина Сергеевича в работе с актером. Если работа хороша, он смело и открыто хвалит данного актера. Это качество важно во всяком деле, а в театре особенно.

Невозможно забыть репетиции Константина Сергеевича. Мне посчастливилось участвовать в нескольких поставленных им спектаклях, в том числе «Талантах и поклонниках» Островского, «Иванове», «Трех сестрах», «Дяде Ване», «Вишневом саде» Чехова. Репетиции в последние годы его жизни были у него на дому из-за его болезни. С каким трепетом я ждала каждой репетиции! Константин Сергеевич был очень строг и требователен. Если у актера не выходило то, что он требовал, он до тех пор не отпускал его, пока после упорной работы не добивался нужного результата.

Бывали репетиции, что и поплачешь, оттого что не получается как надо. В такие моменты Константин Сергеевич был суров. Он говорил: «Пойдите успокойтесь и приходите». Но какое было счастье, когда переборешь себя, наконец, достигнешь хороших результатов и услышишь от Константина Сергеевича: «Молодец!». Это была очень большая похвала.

Работа проходила так интересно, захватывающе, что не замечали времени, не было перерывов, и только, если играешь в этот день спектакль, в шесть часов вечера встанешь и робко спросишь: «Константин Сергеевич, можно уйти? У меня спектакль». Станиславский, как бы спохватившись, говорил: «Идите, идите». И, не чувствуя никакой усталости, не идешь, а лежишь в театре, вдохновенная, наполненная новой энергией, новыми мыслями, и свою роль в театре играешь по-новому, потому что занятия с таким огромным художником давали зарядку для всей работы. В дни, когда не было спек-

такля, Константин Сергеевич часто говорил: «Кто не занят вечером, может остаться» — или сам оставлял кого-нибудь из нас, и тут начинались интереснейшие разговоры об искусстве, о знаменитых актерах — Шаляпине, Ермоловой, Сальвини, Дузе. Все это обогащало молоденьку, хотелось знать еще больше и больше работать.

А какое отношение было у Константина Сергеевича к сцене! Он всегда во время спектакля ходил за кулисами на цыпочках и говорил шепотом. И от всех требовал полной тишины.

Помню такой случай. Это было в Америке, когда театр был на гастролях в 1924 году. Шел спектакль «Вишневый сад». Последний акт. На сцене заключительный эпизод — умирающий Фирс. Все остальные исполнители сидели тихо за кулисами и ждали конца спектакля. Станиславский играл Гаева, он тоже был за кулисами и, как страж, смотрел и следил, чтобы не было никаких звуков. Вдруг через кулису громко зашагал пожарник (американец). Константин Сергеевич на цыпочках бросился к нему, поднял над ним руки и этим жестом заставил пожарника с удивленными глазами замереть на месте. Станиславский так продержал его до тех пор, пока Фирс не закончил сцену и занавес не опустился. Я играла тогда Аню в «Вишневом саде» и была свидетельницей этой сцены.

Беззаветной любви к театру научил нас Станиславский. Только большой, серьезной работой можно было добиться того, чего он требовал. Часто после спектакля он спрашивал актера, как тот играл. Если актер говорил, что играл вроде бы верно или неплохо, но в первом акте публика кашляла, Константин Сергеевич отвечал: «Значит, нехорошо играли. Не публика виновата, а вы не смогли заинтересовать ее».

Как часто я глубоко жалею, что его нет с нами, что он не видит огромного притока свежих сил, новых дерзаний и достижений в нашей современной жизни. Мы помним его заветы очень крепко и стараемся передать молоденьки наше дело трудное, но такое замечательное!